

ЛИК СУДЬБЫ

Вступление и перевод с греческого
Л. ЛИХАЧЕВОЙ

В марте 1969 года все крупнейшие газеты мира обошло заявление, которое сделал выдающийся греческий поэт, лауреат Нобелевской премии Гиоргос Сеферис. Он сказал:

«Нынешний режим — это режим, насильно навязанный нашему народу и полностью противоречащий идеалам, во имя которых он так героически сражался в последней мировой войне.

Этот режим создал атмосферу принудительного оцепенения, когда все духовное достояние нации, сбереженное ценою стольких усилий, медленно увязает в трясине, тонет в стоячей воде. В конечном итоге нас ожидает трагедия. И предчувствие этого трагического финала терзает нас, как пророчества античных хоров Эсхила...

Я — человек, далекий от политики, но это не значит, что я безразличен к политической жизни Греции. Я беспристрастен и ничего не боюсь. Но я вижу пропасть, в которую толкает нас овладевшее страной насилие».

Эти его слова привлекли пристальное внимание мировой общественности. Два года после фашистского переворота 1967 года один из самых выдающихся поэтов Греции молчал, не желая, чтобы его поэтическое слово было воспринято как косвенное признание узурпаторов. «С тех пор как свободе заткнули рот, я ничего не публиковал в Греции», — заявил Сеферис. Сейчас, когда черные полковники на весь мир лицемерно трубят о своей гуманности, о соблюдении высших интересов нации, о национальном «здоровье» греческого народа и т. п., слово Сефериса, человека, обладающего международным авторитетом, честного, последовательного демократа, произвело особенно сильное впечатление.

Это впечатление было подкреплено авторитетом всего поэтического творчества Сефериса. Начиная с первой его книги «Поворот» (1931 г.), которую великий поэт Паламас назвал «явлением в греческой литературе», основным мотивом творчества Сефериса становится трагическая национальная судьба Греции и ее преломление в духовном облике и личной судьбе современного грека. В стихах Сефериса это выражено с удивительной философской и эмоциональной глубиной.

Патриотизм Сефериса лишен какой бы то ни было тени ложного пафоса и романтической фразеологии, в нем нет и следа от ощущения национальной исключительности, которое губит многие самые искренние произведения. Человек блестящей европейской культуры, Сеферис обладает острейшим чувством и глубоким знанием национальной устной традиции, современной греческой литературы и великого наследия древней Эллады. Но его тяготение к античности не имеет ничего общего с характерным для новой греческой литературы филологическим архаизмом, ни тем более с повторением псевдоклассических образцов европейской поэзии. Все его лирические книги очень грустны, вместе с тем окутаны еле уловимой дымкой иронии. И по-настоящему гражданственны. В поэзии Сефериса нет ничего от публицистики — он избегает вводить в свои стихи прямые упоминания о тех или иных событиях политической жизни. Но, пожалуй, не найдется человека, который решился бы отрицать их высокую гражданственность. Национальная трагедия Греции в стихах Сефериса — это не романтическая буря, разрушительная сила которой исчерпывается громом и молнией, а постоянное чувство непреходящей боли, которое роковым образом вливается в ритм повседневной жизни, рушит и истощает жизнь каждого грека. Сеферис, как никто, умеет найти пусть даже несколько усложненный, но такой обобщенный, такой напряженно-личный поэтический образ, что каждое его стихотворение, не теряя своей конкретной достоверности, приобретает новое широкое значение.

Очень характерно в этом смысле стихотворение «Последний день». Написанное в 1939 году, оно с необычайной силой передает ощущение гнетущих сумерек, опустившихся над страной после установления фашистской диктатуры генерала Метак-

саса. И хотя в нем нет ни одного слова о реальных событиях и лицах, фашистская цензура точно поняла, о чем идет речь, и запретила стихотворение. И сейчас оно не утратило своей актуальности так же, как и стихи Сефериса, написанные во время войны. Боль, с какою поэт переживал порабощение своей родины гитлеровцами, сейчас, когда над Грецией снова опустились фашистские сумерки, кажется болью от свежей раны. (Стихотворение «Лик судьбы», написанное в октябре 1944 г.)

На стихи Сефериса пишет свои замечательные песни выдающийся композитор и прогрессивный общественный деятель Греции Микис Теодоракис. (Два таких стихотворения — «Цветы камня» и «В подводных пещерах...» — помещены в настоящей подборке.) Примечательно, что в 1967 году, когда композитор томился в застенках асфалии, он снова обращается к поэзии Сефериса и создает еще один цикл песен на стихи из книги «Легенды истории».

Стихи Гиоргоса Сефериса неоднократно переводились на многие языки. В 1963 году поэт стал лауреатом Нобелевской премии. Это, естественно, вызвало во всем мире новую волну интереса к его творчеству. Настоящая подборка всего лишь первая попытка познакомить советского читателя с творчеством Сефериса, которому оно, несомненно, может стать близким своим искренним патриотизмом, глубиной мысли, совершенством и разнообразием поэтической формы.

Лик судьбы

Лик судьбы, склоненный над колыбелью ребенка,
ветер, и звезд круги, и февральская темная ночь,
мудрые старицы-повитухи, ступеньки скрипучие
и сухие, голые плети виноградной лозы на дворе.

Лик судьбы, склоненный над колыбелью ребенка,
в черном, повязанном низко платке,
улыбка неизъяснимая, опущенные ресницы, грудь, белая, как молоко,
и скрипучая дверь, и исхлестанный морем рыбак,
который, войдя, утомленно бросает на сундук вымокшую фуражку.

Эти лица и эти картины не оставляли тебя
и тогда, когда ты плел свою сеть на родном берегу,
и тогда, когда под тобою дважды разверзалась пучина
и вставали перед глазами провалы черные волн;
на всех морях, всех заливах были они с тобой —
тяготы жизни твоей, счастье твое.

А дальше я не могу читать —
связали тебя цепями, колют штыком,
среди ночи в лесу оторвали от женщины,
когда она смотрела в твои глаза, не в силах вымолвить слова,
лишили тебя света, и моря, и хлеба.

Как могли мы упасть, товарищ, в смрадную яму страха?
Разве такая судьба у тебя и мне разве это писано на роду?
Разве когда-нибудь мы с тобой покупали иль продавали такое?
Кто это смеет командовать и убивать за нашей спиной?

Не спрашивай. На току
кружатся, кружатся три красные лошади с завязанными глазами,
топчут и топчут они человечесьи кости.

Не спрашивай. Время придет —
эта кровь, эта кровь
подымет, как Георгий, всадник святой,
и копьём пригвоздит к земле поганого змея.

Октябрь 1941

Аргонавты

И душа,
если она хочет познать себя,
в душу другую должна заглянуть —
и та ей покажет, как в зеркале,
чужестранца или врага.

Спутники мои славными были парнями, не
жаловались

на усталость, жажду и стужу.
Были похожи они на деревья и волны,
что встречают ветер и дождь,
встречают солнце и ночь,
не меняясь в окружающем их измененье.
Славные парни! Целыми днями
трудились они на веслах, не поднимая глаз,
ритмично дыша,
и краснела от напряженья покорная кожа.
Иногда они пели, не подымая глаз,
даже когда мы плыли на запад
мимо тех поросших дикой смоковницей необитаемых
островов

за мысом, где яростно лают громадные псы.
Душа,
если она хочет познать себя, говорили они,
в душу другую должна заглянуть, говорили они
и веслами били по закатному золоту моря.
Миновали мы множество мысов, множество
островов,

плыли по морю, что сливается с морем другим,
видали тюленей и чаек,
слышали,
как рыдают матери над погибшими сыновьями
и, разъяренные, проклинают Александра Великого
и славу, загубленную в глубинах Азии.
Мы бросали свой якорь на берегах,
полных ночных ароматов и пения птиц,
берегах, где струится вода,
от которой на руках остается память о счастье.
И не было странствиям нашим конца.
Души друзей моих слились с уключинами и веслами,
с неумолимым ликом, высеченным на носу корабля
солеными брызгами.
Один за другим покидали меня мои спутники,
не поднимая глаз. Веслами
отмечены на берегу места, где они спят.
Никто их не помнит. Справедливость.

1935 г.

■ ■ ■

Камня цветы расцветают у зеленого моря
под медленным, мелким дождем.
Их жилки, сплетаясь, рисуют мне образы давней
любви.

Камня цветы — виденья.
Они приходили ко мне,
когда еще все молчало вокруг,
и говорили со мной,
и позволяли к себе прикоснуться
в безмолвии
среди олеандров, и сосен, и стройных платанов.

■ ■ ■

В подводных пещерах
таится великая жажда,
таится любовь
и экстаз —
все твердые, словно раковины.
Хочешь, возьми их, поддержи на ладони.

В подводных пещерах
много дней мы смотрели друг другу в глаза —
и я не понял тебя,
и ты меня не узнала.

1937 г.

Последний день

Тот день был сумрачен. Никто ничего не решал.
Дул ветерок: «Это — не грегос, это — сирокко», — кто-то
промолвил.

Торчали пригвожденные к склонам тонкие кипарисы, за ними
серое море с озерами света там, вдали.

Брызнул дождь, и солдаты взяли ружья на караул.
«Это — не грегос, это — сирокко», — единственное решение,
которое можно было услышать.

Но все мы знали:
на новой заре у нас ничего не останется,
ничего — ни женщины, пьющей сон рядом с нами,
ни воспоминанья о том, что когда-то мы были мужчинами, —
ничего не останется на новой заре.

«Этот ветер напоминает весну, — глядя вдаль, сказала
подруга, шагавшая рядом, —
весну, которая вдруг среди зимы налетела на берег залива
так неожиданно. Помнишь? Столько лет пронеслось.
Как-то теперь умирать доведется?»

Марш похоронный блуждал под мелким дождем.
Как умирает мужчина? Странно, никто не думал об этом.
А если думал, то вспоминал давние, давние времена,
крестносцев походы или битву при Саламине.
Но смерть, вот та, что приходит сейчас? Как умирает
мужчина?

Своя достается каждому смерть,
своя собственная и ничья другая,
и эта игра есть жизнь.

Свет угасал над сумрачным днем.
На новой заре у нас ничего не останется, все будет предано —
даже наши руки.
И жены наши в чужие дома будут воду носить из горных
ключей,
и дети наши погибнут
в каменоломнях.

Подруга моя, шагая рядом, напевала обрывки песни:
«Зимою... летом... рабы...»
Кто-то вспомнил о старцах-учителях, бросивших нас.
Мимо прошла пара, беседуя:
«Надоели мне эти сумерки. Пойдем-ка домой.
Пойдем-ка домой и зажжем свет».

1939 г.

Елена

«Соловьи не дают заснуть тебе в Платрах».

О застенчивый соловей, ты собираешь
среди вздохов листвы росную музыку
и даришь ее телам разлученным
и душам, которые знают, что они никогда не вернуться.
Ты, голос слепой, как ты умеешь нащупать
в памяти помраченной
поступки, жесты (не решаюсь сказать — поцелуи)
и волнение горькое гневной рабыни.

«Соловьи не дают заснуть тебе в Платрах».

Что это — Платры? Кому он известен, этот остров?
Всю жизнь я слышу неведомые имена
новых мест, новых безумств людей и богов.
Судьба моя, обреченная вечно метаться
между последним ударом Аякса
и этим новым Саламином,
меня забросила сюда на побережье. Луна
вышла из моря, как Афродита,
затмила звезды Стрельца,
Скорпиону нацелилась в самое сердце
и все изменила вокруг.
В чем правда?
Во время войны мне тоже пришлось стрелять.
Но, видно, удел мой в цель
не попадать никогда.

Ах, соловей, поэт-соловей!
Быть может, в такую же самую ночь на берегах Протея
слушали тебя рабыни-спартанки и протяжно рыдали,
а с ними — кто б мог подумать! — Елена!
Та самая, за которую столько лет
мы сражались на берегах Скамандра.
Она была там, на границе пустыни,
я коснулся ее, слышал голос:

«Это неправда! Неправда!
Никогда
нога моя не ступала на корабль крутобокий,
никогда не бывала я в доблестной Трое!»

В платье открытом, с золотыми кудрями, с гибким станом,
вся в тенях и улыбках
на плечах, на коленях, бедрах.
Живая, живая! И глаза
с ресницами длинными...
Она была здесь, на берегу, в дельте.
А в Трое?
А в Трое — ничего. Идол.
Так пожелали боги.
Тень лежала рядом с Парисом,
а мы
десять лет убивали друг друга ради Елены.

Великая скорбь покрыла Элладу.
Столько тел
было брошено в жадные челюсти моря
и земли в жадные челюсти,
столько жизней
перемолото, словно пшеничные зерна.
Ил, пропитанный кровью, в реках вздувался.
И все это ради призрака,
ради легкого шелеста платья,
трепетания бабочки, лебединой легкой пушинки,
ради женской пустой рубашки,
ради Елены.

Где ты, брат мой?
Ах, соловей, соловей!
Что есть бог? Что не бог? И что — между ними?

«Соловьи не дают заснуть тебе в Платрах».

Птица печальная, здесь, на Кипре, обласканном морем,
обреченном вечно напоминать мне о родине,
я бросил якорь один, вместе с этою сказкой.
Если правда, что это всего лишь сказка,
если правда, что люди
никогда больше не поддадутся на старую эту приманку богов.
Если правда, что теперь, после стольких веков,
не найдется другого Тевкра, или Аякса, или Приама, или
Гекубы,

или другого кого, пока безымянного,
которому вновь доведется увидеть
Скамандр, переполненный трупами,
и погибнуть, не зная, что гонец уже мчится
с вестью о том, что все эти муки и горе,
все эти жизни проглочены бездной
всего только ради
женской пустой рубашки,
ради Елены.

1955 г.